

АНТРОПОЛОГИЯ

О ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ СВЯЗЯХ В АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

М.А. Балабанова

Статья посвящена проблеме выявления центрально-азиатских связей у населения позднесарматского времени на основе антропологического материала. Привлечены публикации, рассматривающие ее на элементах погребального обряда и материальной культуры сарматов. При анализе антропологических сопоставлений значительное внимание уделяется древним группам, которые в той или иной степени морфологически сходны с поздними сарматами. Отмечено, что наибольшее сходство носители позднесарматской культуры имеют с населением тесинского этапа тагарской культуры и некоторыми группами пазырыкской культуры. Такой результат межгруппового сопоставления может помочь в поисках истоков миграций, которые сыграли важную роль при формировании культурных и морфологических особенностей населения позднесарматского времени.

Поздние сарматы, гунны, аланы, канонический анализ, пазырыкская культура, собственные числа, тесинский этап.

Для рассмотрения заявленной темы прежде всего следует сделать акцент на гуннской и аланской проблемах происхождения позднесарматской культуры, которые на протяжении многих лет разрабатываются учеными.

Гуннская версия впервые была высказана без аргументации В.В. Гольмстен еще в 20-х гг. XX столетия при рассмотрении особенностей археологических памятников Самарской губернии [1928, с. 134]. Позднее эта проблема решалась Л.Г. Нечаевой при реконструкции этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений [1961]. По ее мнению, различия между катакомбами и подбоями, существовавшими синхронно, в первые века нашей эры, но на различных территориях: Северном Кавказе и в Северном Причерноморье; на территории Нижнего Поволжья, — «связаны с различными этноплеменными группами». Катакомбы Северного Кавказа она связывала с аланами, а подбойные ямы Нижнего Поволжья — с гуннами [Там же, с. 156–159].

Гипотезу гуннской принадлежности позднесарматских комплексов отстаивает С.Г. Боталов [1993, 2003, 2008, 2009 и др.]. Со временем взгляды этого ученого менялись. Сначала С.Г. Боталов считал, что в погребальном обряде приуральской и нижневолжской групп достаточно много несоответствий, которые связаны с разной этнокультурной спецификой регионов [2003, с. 92–96]. Племена позднесарматского времени Южного Приуралья он определял как гунно-сарматов, а Нижнего Поволжья — как алано-сарматов. Сходство в погребальном обряде и элементах материальной культуры этих двух групп памятников он объяснял тем, что алано-сарматы оказались под большим влиянием гуннов. Позднее концепцию гуннской принадлежности памятников позднесарматского времени С.Г. Боталов распространил на все регионы [2008, с. 136, 138, 142]. Концепция С.Г. Боталова не нашла поддержки у других специалистов и была подвергнута резкой критике [Мошкова и др., 2007; и др.].

Из аланских версий происхождения позднесарматских племен в рамках данного исследования наибольший интерес представляет центрально-азиатская гипотеза. Ее разрабатывали Б.А. Раев, С.А. Яценко, Т.А. Габуев, А.А. Цуциев и др. Остановимся на концепциях, которые в большей степени соответствуют заявленной нами теме, — С.А. Яценко и Т.А. Габуева.

С.А. Яценко, проанализировав имевшуюся на начало 1990-х гг. литературу, пришел к выводу, что существует семь концепций относительно этногенеза аланов. Из них алтайская, юэчжийско-тохарская, усуньская связаны с южно-сибирским кочевым миром и определяют алан как межэтническую дружинную организацию [Яценко, 1993б, с. 60]. Ученый обобщил данные инновационного характера в материальной культуре, погребальном обряде и специфике искусства,

О центрально-азиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени...

фиксируемые в культуре европейских номадов с I–II вв., т.е. во времени утверждения здесь аланов, и находящие аналогии в центрально-азиатских районах (саяно-алтайских, хуннских, юэчжийско-бактрийских памятниках) [Яценко, 1993б, с. 60–70; 1993а, с. 75–83]. Исходя из сочетания в погребениях Восточной Европы, претендующих на то, чтобы считаться аланскими, ряда элементов, характерных для саяно-алтайских хуннских и юэчжийских культурных традиций, прародину «первоначального ядра протоаланов», по С.А. Яценко, следует рассматривать к югу от Алтайских гор. Трехэтапная история формирования аланов, по концепции С.А. Яценко, связана:

— с активизацией хунну, переселением юэчжей, а затем и усуней в середине II в. до н.э. в Семиречье; утверждением здесь усуней, в состав которых частично вошли саки и юэчжи;

— превращением усуней, а в их составе и протоаланов, в серьезную политическую силу в Средней Азии в конце II — I в. до н.э., установлением союза усуней с Китаем, направленного против хунну;

— вхождением в сферу влияния усуней Кангюя (Канцзюй), переселением туда части усуней в период борьбы у них за престол, что привело к усилению Кангюя. В это время происходит переименование одного из вассалов Кангюя, Яньцай, в Аланья. По мнению С.А. Яценко, это событие произошло между 25 и 50 гг. Аланы в Кангюе появляются с переселением усуней и уже, видимо, в рамках политики Кангюя захватывают Яньцай. Таким образом, появление аланов на исторической арене состоялось.

Наиболее полно, с использованием китайских письменных источников, версия о роли кочевого мира центрально- и среднеазиатского регионов в процессе формирования аланов была изложена в книге Т.А. Габуева [1999]. Сделанные им выводы значительно укрепляют позицию сторонников формирования аланов в среде ираноязычных кочевников Азиатской Скифии. Т.А. Габуев акцентирует внимание на событиях, имевших место до, во время и после завоевания в начале второй половины II в. до н.э. кочевниками Греко-Бактрии, отраженных как в китайской, так и в античной литературе. Главный вывод, к которому приходит автор, заключается в следующем. В становлении аланов участвовали два первоначальных компонента — юэчжитохары и усунь-асии. Кроме этого, присоединяет к ним и коренное кангюйское население. Усуни и юэчжи длительное время бок о бок проживали у границ Китая, но окончательное формирование аланов происходит уже в Кангюе, который Т.А. Габуев называет их колыбелью [1999, с. 128]. Значимую роль в этом процессе, по его мнению, сыграла «национальная идея», объединившая различные кочевнические группировки. Истоки этой идеи он видит в общем их арийском происхождении, нашедшем отражение в их названии, поскольку, по В.И. Абаеву, этноним «аланы» является эквивалентом термина «агуа» — древнего наименования иранских и арийских народов [Там же, с. 119, 129].

Кроме вышеизложенного, в погребальной обрядности и материальном комплексе всех трех этапов сарматской культуры усматривается связь с центрально-азиатскими древностями. Ряд признаков, по мнению ученых, являются этническими определителями, а не культурными заимствованиями: это увеличение числа погребений II–I вв. до н.э. с северной ориентировкой головы умершего и помещение его в колоде с двумя параллельными выступами в головной части; наличие в гробах отверстия, иногда затыкаемого пробкой, и т.д. [Скрипкин, 2000, с. 25–27; Си-моненко, 2003, с. 54–56; 2010, с. 394; и др.].

Таким образом, аналогии, которые прослеживаются в материальной культуре и погребальном обряде сарматов начиная со II–I вв. до н.э., указывают на тесные связи с центрально-азиатским и южно-сибирским кочевым миром и являются отражением этнополитических событий, затронувших этот регион еще в III–II вв. до н.э. Видимо, перегруппировка и перемещение больших массивов кочевников на запад привели к культурным и морфологическим изменениям в сарматской среде.

По крайней мере, у археологов не вызывает сомнений тот факт, что культурная специфика средне- и позднесарматской культур формировалась на основе пришлых элементов. При этом особо подчеркивается тот факт, что на материалах среднесарматской культуры наблюдается «возрождение старых черт, присущих некогда савроматской археологической культуре в ее широкой трактовке или даже скифо-массагетскому миру в целом». К их числу А.С. Скрипкин относит распространение диагональных захоронений, особую группу лепной керамики, преобладание основных погребений в курганах, целые зеркала в вещевом материале, вещи, выполненные в зверином стиле, и т.д. [1990, с. 215].

Морфологические особенности населения средне- и позднесарматской культур также свидетельствуют о значительных изменениях по сравнению с савроматским и раннепрохоровским этапами [Балабанова, 2000, 2010]. Эти изменения проявляются в увеличении доли длинноголовых европеоидов. Так, население савроматского и раннесарматского этапов IV–III вв. до н.э. является носителями типа широкоголовых европеоидов с ослабленной горизонтальной профилировкой на уровне глазниц. Население II–I вв. до н.э. характеризуется теми же сочетаниями, но пропорции черепного указателя уже мезобрахикранные.

Что касается краниологического типа среднесарматского населения, то он сочетает мезокранную форму черепной коробкой с умеренной горизонтальной профилировкой лица уже на обоих уровнях. В некоторых локальных группах (Волго-Донское междуречье) такая профилировка лица с углом выступания носа менее 27° , что указывает на появление нового компонента явно восточного происхождения. Кроме этого, именно в это время в сарматских сериях фиксируются единичные черепа с монголоидно-европеоидным комплексом [Балабанова, 2000, с. 94, 99; 2010, с. 126].

Усредненный тип населения позднесарматского времени определяется как длинноголовые европеоиды (рис. 1). При этом как отдельный компонент, особенно на женских черепах, выступает смешанный монголоидно-европеоидный комплекс (рис. 2). Все вышесказанное позволяет отдельно рассмотреть проблему связей сарматов с южно-сибирским и центрально-азиатским кочевым миром. Для этого проводилось сопоставление каноническим методом позднесарматских недеформированных серий с относительно синхронными группами Центральной Азии.

Рис. 1. Тип длинноголовых европеоидов на черепах позднесарматского времени: слева — череп мужчины (35–45 лет) из кург. 18 могильника Абганеро II (ВолГУ: 30-17); справа — череп женщины (20–25 лет) из кург. 24 могильника Западные могилы (ВолГУ: 102-1)

Анализировались серии пазырыкской культуры, различных культур гунно-сарматского времени Алтая и Тувы, Сыньцзяня, хуннов Монголии и Забайкалья, тесинского этапа тагарской культуры, таштыкской культуры и др. Далее приведен перечень серий, использованных в межгрупповых сопоставлениях, кроме позднесарматских серий, изученных мною:

1. Горный Алтай, сум. (V–III вв. до н.э.). Пазырыкская культура [Чижишева, 2003].
2. Аймырлыг XXXI (III–I вв. до н.э.) [Богданова, Родзюн, 1991].
3. Бережновка I и II. Позднесарматская культура (вторая половина II — IV в. н.э.) [Фирштейн, 1970].
4. Кокэль (I в. до н.э. — V в. н.э.) [Алексеев, Гохман, 1970].
5. Гунно-сарматское время, Тува, сб. [Алексеев, 1984].
6. Гунно-сарматское время, Горный Алтай [Чижишева, Поздняков, 2000].
7. Гунно-сарматское время, Предгорный Алтай [Алексеев, 1958].
8. Догээ-Баары II. Уюкско-саглынская археологическая культура (VI–IV вв. до н.э. и II в. до н.э. — I в. н.э.) [Чижишева, 2008].

О центрально-азиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени...

9. Есино. Тесинский этап тагарской культуры (II в. до н.э. — I в. н.э.). Неопубликованные материалы А.В. Громова.
10. Калиновка. Позднесарматская культура (вторая половина II — IV в. н.э.) [Гинзбург, 1959].
11. Каменка. Тесинский этап тагарской культуры (II в. до н.э. — I в. н.э.) [Гохман, Громов, 2009].
12. Кара-обинская культура, сум. [Чикишева, Поздняков, 2000].
13. Копто. Альды-бельская археологическая культура (V в. до н.э.) [Чикишева, 2008].
14. Кызыл-Джар. Пазырыкская культура [Тур, Рыкун, 2004].
15. Лоулянь (рубеж эр — II в. н.э.) [Han Kanghin, 1986].
16. Майма. Пазырыкская культура (вторая половина III в. до н.э.) [Тур, 2004].
17. Масляха. Каменная культура (III–II — начало I в. до н.э.) [Рыкун, 1997].
18. Могильники долины р. Уландрык. Пазырыкская культура [Чикишева, 2003].
19. Могильники долины р. Юстыд. Пазырыкская культура [Чикишева, 2003].
20. Могильники долины р. Барбургасы и Бугузун. Пазырыкская культура [Чикишева, 2003].
21. Могильники долины р. Урсула и среднего течения Катунь. Пазырыкская культура [Чикишева, 2003].
22. Могильники долины среднего течения р. Чуи. Пазырыкская культура [Чикишева, 2003].
23. Могильники плато Укок. Пазырыкская культура [Чикишева, 2003].
24. Могильники Тянь-Шаня. Пазырыкская культура [Чикишева, 2003].
25. Нижнедонская гр. Позднесарматская культура (вторая половина II — IV в. н.э.) [Батиева, 2007].
26. Рубцовский. Пазырыкская культура (V–IV вв. до н.э.) [Тур, 2004].
27. Сабинка. Тесинский этап тагарской культуры (II в. до н.э. — I в. н.э.). Неопубликованные материалы А.В. Громова.
28. Таштыкская культура, сум. [Алексеев, Гохман, 1984].
29. Тесинско-таштыкская гр. [Алексеев, Гохман, 1984].
30. Усть-Тартас [Дремов, 1978; Багашев, 2000].
31. Усуни Тянь-Шаня [Гинзбург, Трофимова, 1972].
32. Усуни Чжаосу (Синьцзян) [Хань Каньсинь, Пань Цифын, 1987].
33. Серии хуннов Монголии [Алексеев и др., 1987].
34. Серия хуннов Забайкалья [Мамонова, 1974].
35. Черное озеро. Тесинский этап тагарской культуры (II в. до н.э. — I в. н.э.). Неопубликованные материалы А.В. Громова.
36. Янхай (I тыс. до н.э.). Неопубликованные материалы Т.А. Чикишевой.

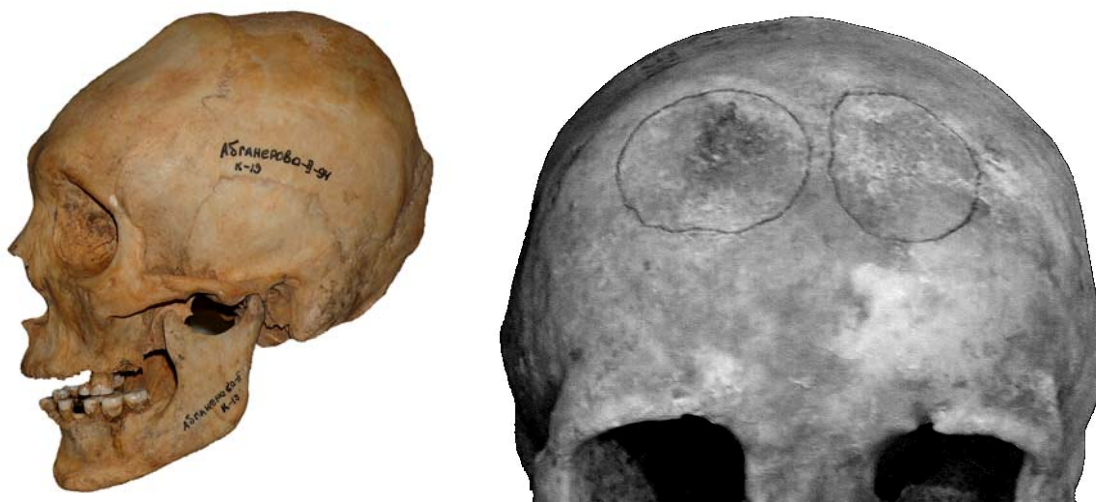

Рис. 2. Женские черепа позднесарматского времени с монголоидно-европеоидным комплексом: слева — (40–50 лет), из кург. 13 могильника Абганерова II (ВолГУ: 30–14); справа — (35–45 лет), из кург. 39 могильника Кривая Лука XVII (кол. МАЭ)

Результаты канонического анализа представлены в табл. Первые три дискриминанты описывают около 70,0 % изменчивости, выявляя основные тенденции в сочетании признаков с высокими нагрузками. При этом нет существенных различий при распределении изменчивости признаков в разнополых группах, поэтому они рассматриваются вместе.

При сравнении позднесарматских групп с центрально-азиатским населением большое дифференцирующее значение имеют соотношения поперечного диаметра к наименьшей шири-

не лба и углу выступления носа. Изменчивость пропорций этих признаков очень высокая, описывается первой канонической переменной и имеет значительный вклад в межгрупповую изменчивость у мужчин — 42,0 %, у женщин — 40,0 %. Ее градиент направлен по оси восток — запад. На положительном полюсе изменчивости находятся группы, сочетающие широкую черепную коробку с узким лбом и умеренно выступающим носом. Этим набором признаков характеризуются все хунские серии и серии пазырыкской культуры. На отрицательном полюсе будут группы, сочетающие узкую черепную коробку, широкий лоб и резко выступающий нос. Вышеперечисленным набором признаков обладают почти все позднесарматские серии и серии тесинского этапа тагарской культуры. Таким образом, I KB является градиентом расовой изменчивости и на положительном полюсе изменчивости располагаются группы, имеющие монголоидный комплекс, а на отрицательном — длинноголовый европеоидный.

Элементы первых трех канонических векторов (I–III KB) для 52 мужских и 35 женских групп

№ по Мартину и др.	Мужчины			Женщины		
	I	II	III	I	II	III
1	-0,415	-0,716	-0,043	-0,705	0,626	-0,198
8	0,554	0,586	0,260	0,703	-0,253	0,147
17	-0,011	0,378	-0,155	0,004	-0,580	-0,257
9	-0,694	0,149	0,333	-0,514	0,118	0,328
45	0,086	-0,460	0,114	0,137	0,139	0,821
48	0,240	-0,577	0,492	0,413	0,318	0,210
55	0,048	0,528	-0,734	0,039	-0,101	-0,663
54	0,154	0,027	0,538	0,092	0,243	0,191
51	0,093	0,274	-0,512	0,145	-0,419	-0,160
52	0,175	-0,153	0,474	0,049	0,242	0,175
77	0,182	-0,021	0,024	0,046	0,465	-0,239
zm	0,365	-0,145	-0,240	0,413	0,017	-0,353
SS:SC	-0,072	-0,014	-0,384	-0,100	-0,117	0,172
75 (1)	-0,504	0,321	0,593	-0,216	-0,167	0,088
Собственные числа	24,180	9,443	5,305	20,047	8,039	5,506
% дисперсии	42,001	16,403	9,215	40,015	16,046	10,990

Использование для дальнейшего анализа данных второй канонической переменной позволяет противопоставить мужские группы с короткой и широкой черепной коробкой и низким лицом с одной стороны и группы с длинной и узкой черепной коробкой и высоким лицом — с другой. Ранжирование значений II KB определяет группы с первым набором признаков, это в основном сибирские серии из могильников сако-усуньского времени Тянь-Шаня, усунь Чжоу, Усть-Тартаса и др. Второй набор признаков в большей степени характеризует хуннское население Монголии и Забайкалья, население гунно-сарматского времени Тувы, таштыкское население и некоторые позднесарматские группы. У женщин вторая каноническая переменная разграничивает группы с длинной черепной коробкой, у которых низкий свод, и группы с короткой черепной коробкой и высоким сводом. Крайнее положение по значениям II KB занимают хуннские группы (западная, центральная и забайкальская группы, серия из Лоуляня и др.) — положительный полюс изменчивости — и позднесарматские группы (Купцын Толга, Первомайский и др.).

Третья каноническая дискриминанта описывает изменчивость лицевых признаков. Первый вариант сочетает относительно высокое лицо с низким и широким носом, который резко выступает, а второй вариант — альтернативный ему. Морфологической доминантой во всей сравниваемой совокупности все-таки является высокое лицо и широкое грушевидное отверстие, которым отличается население Центральной Азии (пазырыкское, хуннское и гунно-сарматское). Относительно низким лицом с узким грушевидным отверстием и умеренно выступающим носом обладают хронологические группы из могильника Догээ-Баары II, Копто и др. Что касается серий позднесарматского времени, то большая часть их тяготеет ко второму варианту.

Женские серии по третьей канонической переменной дифференцируются по скуловой ширине и высоте носа. Наибольшие положительные значения будут у широколицых групп с низким носом, а наибольшие отрицательные значения имеют узколицые группы с высоким носом. На положительный полюс выходит позднесарматская выборка из могильников Нижнего Подонья, пазырыкская

О центрально-азиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени...

группа из могильников долины рек Барбургазы и Бугузун и др., а на отрицательный — группы раннего железного века с территории северо-западной провинции Китая (Янхай и Лоулянь) и др.

Антропологическая специфика отдельных серий в сравниваемой совокупности отражена на четырехпольных графиках в плоскостях первой и второй канонических переменных (мужчины) и многомерного неметрического шкалирования (женщины) и на дендрограммах кластеризации расстояний Махаланобиса (рис. 3, 4). В результате многомерных статистических анализов можно получить информацию о распределении краниологических материалов по территориям и морфологическому разнообразию.

При сравнении мужских серий отчетливо обособляется практически весь позднесарматский массив. Они образуют отдельный кластер, а на четырехпольном графике обособляются от всех несарматских групп. Из относительно синхронных групп населения морфологическое, а может быть, и генетическое сходство с позднесарматским населением имеют группы тесинского этапа тагарской культуры (серии из Сабинки, Каменки, Черного озера) и группы рубежа эр — II в. н.э. из Усть-Тартаса, Лоуляня. Правда, последняя группа малочисленна, насчитывает всего 4 черепа (рис. 3).

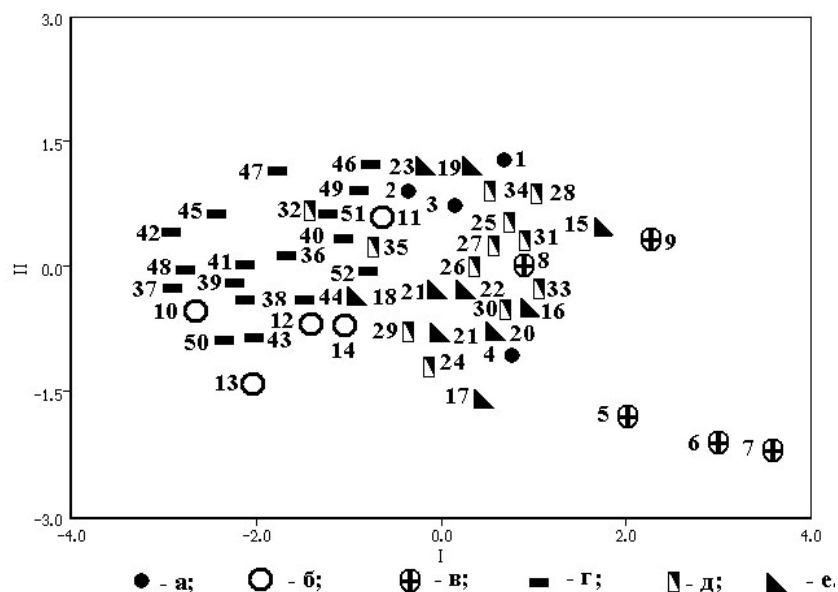

Рис. 3. Результат многомерного неметрического шкалирования расстояний Махаланобиса мужских позднесарматских серий с сериями культур Центральной Азии и Южной Сибири (а — из могильников Китая; Алтая и Западной Сибири; б — тесинского этапа тагарской культуры; в — хуннов; г — позднесарматские; д — пазырыкской культуры; е — из могильников Тувы):
 1 — Усуни Чжаосу; 2 — Усть-Тартас; 3 — гунно-сарматское время, Предгорный Алтай; 4 — гунно-сарматское время, Горный Алтай. *Хунны*: 5 — Забайкалье; 6 — западная группа, Монголия; 7 — юг центральных районов Монголии; 8 — север центральных районов Монголии; 9 — восточные районы. *Тагарско-таштыкские серии*: 10 — Черное Озеро; 11 — Сабинка; 12 — Каменка III; 13 — таштыкская сум.; 14 — переходный этап тесинско-таштыкский.
Серии из могильников Тувы: 15 — Аймырлыг XXXI; 16 — Кокэль; 17 — гунно-сарматское время, могильники Тувы; 18 — Лоулянь; 19 — усунь Тянь-Шаня; 20 — Копто; 21 — Догээ-Баары II (VI–IV вв. до н.э.); 22 — Догээ-Баары II (II в. до н.э. — I в. н.э.); 23 — Масляха (каменная культура, III–II — начало I в. до н.э.). *Пазырыкская культура*: 24 — Майма; 25 — Рубцовский; 26 — сум. (С.С. Тур); 27 — могильники долины р. Уландрык; 28 — могильники долины р. Юстыд; 29 — могильники долины рек Барбургазы и Бугузун; 30 — могильники плато Укок; 31 — могильники долины среднего течения р. Чуи; 32 — могильники долины р. Урсула и среднего течения Катунь; 33 — кара-обинская культура, сум.; 34 — пазырыкская культура, могильники Тянь-Шаня; 35 — Кызыл-Джар. *Позднесарматские группы*: 36 — нижнедонская, сум.; 37 — Кузин; 38 — Джангр; 39 — Кривая Лука; 40 — Старица; 41 — Бережновка, сум.; 42 — Бережновка II; 43 — Бережновка I; 44 — Калиновка; 45 — Купцын Толга; 46 — Канал Волга — Чограй; 47 — Цаган-Усн; 48 — Абганерово II; 49 — Терновский; 50 — Аксай; 51 — Перегрузное I; 52 — Первомайский

Что касается женских позднесарматских групп, то они дифференцируются не так четко, как мужские (рис. 4). Несмотря на это две группы, нижнедонская и из могильника Кузин хутор, тоже тяготеют к «тесинцам» (Есино, Каменка, Черное Озеро). Группы из Купцын Толги и Первомайского — к населению скифского и гунно-сарматского времени Горного и Предгорного Алтая (суммарная серия из могильников гунно-сарматского времени Предгорного Алтая, серия пазы-

рыкской культуры, могильники долины р. Юстыд и Майма-4). Малочисленная позднесарматская группа из Кермен Толги тяготеет к населению гунно-сарматского времени Тувы, суммарная серия и серия из могильника Кокзель.

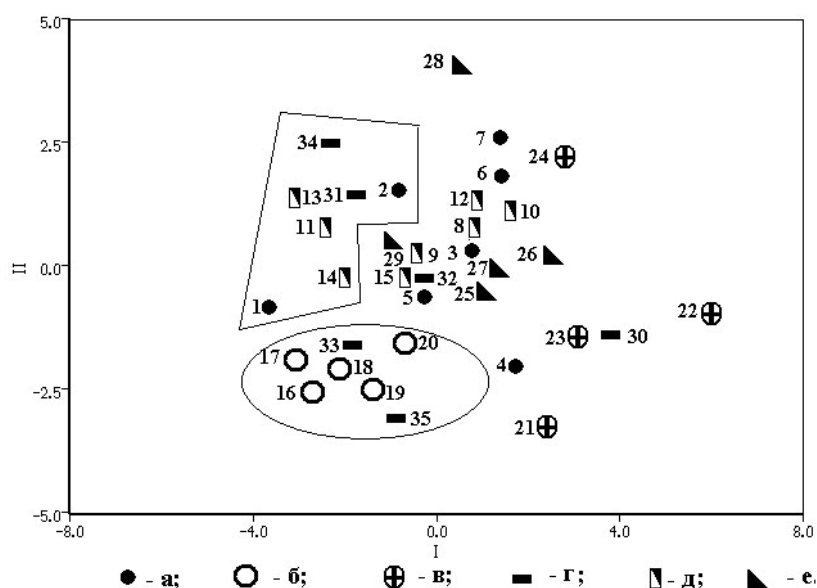

Рис. 4. Результат многомерного неметрического шкалирования расстояний Махаланобиса женских позднесарматских серий с сериями культур Центральной Азии и Южной Сибири (а — из могильников Китая; Алтая и Западной Сибири; б — тесинского этапа тагарской культуры; в — хуннов; г — позднесарматские; д — пазырыкской культуры; е — из могильников Тувы).

Объединены серии, образующие один кластер:

- 1 — Янхай; 2 — гунно-сарматское время, Предгорный Алтай; 3 — гунно-сарматское время, Горный Алтай; 4 — Лоулянь; 5 — Масляха (каменная культура, III–II — начало I в. до н.э.); 6 — кара-обинская культура, сум.; 7 — усунь Чжаосу. *Пазырыкская культура*: 8 — могильники долины р. Уландрык; 9 — могильники долины р. Юстыд; 10 — могильники долины рек Барбургазы и Бугузун; 11 — могильники плато Укок; 12 — могильники долины среднего течения р. Чуи; 13 — могильники долины р. Урсула и среднего течения Катунь; 14 — Майма; 15 — Кызыл-Джар. *Тагарско-таштыкские серии*: 16 — Черное Озеро; 17 — Есино; 18 — Каменка III; 19 — переходный этап тесинско-таштыкский; 20 — таштыкская культура, сум. *Хунны*: 21 — могильники Забайкалья; 22 — западная группа Монголии; 23 — центральные районы Монголии; 24 — восточные районы. *Гунно-сарматское время, могильники Тувы*: 25 — гунно-сарматское время, Тува, сум.; 26 — Аймырлыг XXXI; 27 — Кокзель; 28 — Копто; 29 — Догээ-Баары II (II в. до н.э. — I в. н.э.). *Позднесарматские группы*: 30 — Чиковский; 31 — Купцын Толга; 32 — Кермен Толга; 33 — Кузин; 34 — Первомайский; 35 — нижнедонская

Таким образом, наряду с восточно-европейскими группами (позднескифские и черняховские серии), морфологическое сходство с позднесарматским населением имеет позднетагарское, связь с которым подкрепляется и наличием на позднесарматских черепах затылочной и теменно-затылочной деформации, очень напоминающий «тесинский тип», и сходством в одонтологическом комплексе.

У черепов с «тесинским типом» деформации в районе обелиона хорошо видно уплощение, которое затрагивает теменные кости и верхнюю часть чешуи затылочной кости (рис. 5). Специальное исследование по выделению этого типа деформации на черепах из грунтовых могильников тесинского этапа тагарской культуры было осуществлено А.В. Громовым, который подтвердил наличие его и на позднесарматском материале. «Тесинский» (затылочный или теменно-затылочный) тип деформации идентифицирован на черепах из погребений могильника Абганерово II, кург. 19, 27 и др. [Громов, 2004].

Изучение одонтологического комплекса на позднесарматских материалах Покровки 10 проводилось Н.А. Суворовой, которая выявила миграционный характер данной популяции с преобладанием восточных признаков, а аналогии ей были найдены с тагарскими сериями [2008, с. 91, 92].

Кроме позднетагарских групп морфологическим сходством с поздними сарматами обладают и некоторые группы «пазырыкцев» Горного Алтая.

Рис. 5. Затылочная и теменно-затылочная деформация «тесинского» типа на мужском черепе (20–25 лет) позднесарматского времени из кург. 19 могильника Абганерово II (ВолГУ: 30–18)

Гиперморфный европеоидный длинноголовый тип, характеризующий облик поздних сарматов, среди населения пазырыкской культуры в чистом виде встречается в районах юго-западного (долины Барбургазы и Бугузуна, плато Укок), Центрального, Северного (низовья Катуня), юго-восточного (урочище Кызыл-Джар) Алтая [Чикишева, 2000, с. 112; 2008; 2010; Тур, 2004, с. 255, 257; Тур, Рыкун, 2004, с. 33]. В могильниках долин Уландрыка, Юстыда и среднего течения Чуи он хорошо улавливается в виде примеси, хотя удельный вес его выше на Уландрыке. По мнению Т.А. Чикишевой, массивный высоколицый европеоидный тип на территории Горного Алтая практически не подвергся трансформации за все время существования, что «обусловлено определенной изолированностью горно-алтайских племен и их удаленностью от основных центров смешения европеоидных типов северного и южного, локализованных в оазисах севера Передней и Средней Азии» [2000, с. 113]. На рубеже III–II вв. до н.э. после проникновения на территорию Горного Алтая хуннов какая-то часть «пазырыкцев» была вынуждена откочевать в Восточный Казахстан и на север и тем самым в составе подвижных групп участвовать в миграциях, послуживших основой для формирования позднесарматских групп.

Участвовали ли сами хунны в формировании позднесарматских групп? На этот вопрос сложно найти ответ. Если иметь в виду хуннский компонент, характеризующийся довольно весомой монголоидной примесью, то при любых сопоставлениях он обособляется от позднесарматского. Если же предположить, что на Северном Кавказе, где гунны (уны и т.д.) впервые упоминаются в письменных источниках, и в Восточной Европе они смешались с местными европеоидными группами, то и тогда монголоидная примесь должна была иметь больший вес на позднесарматском материале, особенно на мужском.

Таким образом, в связи с результатами антропологического исследования массового материала, на мой взгляд, наиболее перспективной выглядит концепция южно-сибирского происхождения населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья и сопредельных территорий, для доказательства которой кроме вышеизложенного можно привести и другие аргументы.

Данная концепция созвучна решению проблемы происхождения предшествующего, средне-сарматского населения, так как динамика краниологических комплексов средне- и поздне-сарматского времени направлена на накопление типа длинноголовых европеоидов. Но средне-сарматское население формировалось на основе субстратных (раннесарматского облика) групп и пришлых, сочетание которых в комплексе дает мезокранные пропорции мозговой коробки с признаками лицевого скелета, однозначно указывающими на южно-сибирские корни. Это умеренная горизонтальная профилировка на обоих уровнях. В некоторых локальных группах (юг Волго-Донского междуречья) такая профилировка гармонирует с умеренным углом выступания носа. Данный антропологический комплекс сочетается с рядом культурных признаков, указы-

вающих на возрождение атрибутов, характеризующих скифо-сибирский мир. Что касается населения позднесарматского времени, то оно формируется на основе преимущественно пришлых групп. При этом их антропологическая специфика приобреталась где-то на стороне, так как на Нижнюю Волгу они приходят уже со сложившимися морфологическими и культурными (обычай преднамеренной деформации черепа) особенностями.

Благодарности: Т.А. Чикишевой, С.С. Тур и А.В. Громову за помощь в подборе и представление краниологических серий для сравнительного анализа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П.* Палеоантропология Алтая эпохи железа // СА. 1958. № 1. С. 45–49.
- Алексеев В.П.* Краткое изложение палеоантропологии Тувы в связи с историческими вопросами // Антрополого-экологическое исследование в Туве. М.: Наука, 1984. С. 6–75.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокзель // Тр. Тувин. комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1970. Т. 3. С. 239–297.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология Азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.* Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропологии Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 208–241.
- Багашев А.Н.* Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
- Балабанова М.А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
- Балабанова М.А.* Хронологические и локальные особенности населения Нижнего Поволжья сарматского времени // Человек: его биологическая и социальная история: Тр. Междунар. конф., посвященной 80-летию акад. РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). М.; Одинцово, 2010. Т. 1. С. 124–129.
- Батиева Е.Ф.* К вопросу об искусственно деформированных черепах из нижнедонских могильников сарматского времени // Человек в культурной и природной среде. М.: Наука, 2007. С. 400–406.
- Богданова В.И., Родзюн А.Б.* Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из Центральной Азии // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. СПб.: Наука, 1991. С. 55–100 (СМАЭ; Т. 44).
- Боталов С.Г.* Большекараганский могильник II–III вв. н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 122–143.
- Боталов С.Г.* Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1 (13). С. 106–127
- Боталов С.Г.* Изучение археологии гуннской эпохи Урала: Итоги и перспективы // Археологическая экспедиция: Новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск, 2008. С. 134–161.
- Боталов С.Г.* Внешний вид и антропологический облик гуннов // История башкир: В 7 т. М.: Наука, 2009. Т. 1. С. 273–280.
- Габуев Т.А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ: Иростон, 1999. 148 с.
- Гинзбург В.В.* Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья: (По материалам Калиновского могильника) // МИА. 1959. № 60. С. 524–594.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 371 с.
- Гольмстен В.В.* Археологические памятники Самарской губернии // Тр. секции археологии РАНИОН. М., 1928. IV. С. 126–139.
- Гохман И.И., Громов А.В.* Тесинский грунтовый могильник Каменка III: Данные краниометрии и краниоскопии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1 (37). С. 136–145.
- Громов А.В.* Теменная и затылочно-теменная деформация у древнего населения среднеенисейских степей: Морфология и обряд // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2004. С. 162–170.
- Дремов В.А.* Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья: (Усть-Тартасский могильник) // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1978. С. 116–124.
- Мамонова Н.Н.* К антропологии гуннов Забайкалья (по материалам могильника Черемухова падь) // Расогенетические процессы и этнической истории. М.: Наука, 1974. С. 201–228.
- Мошкова М.Г., Млашев В.Ю., Болелов С.Б.* Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н.э. IV в. н.э. // РА. 2007. № 3. С. 121–132.
- Нечаева Л.Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северной Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 151–159.

О центрально-азиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени...

Рыкун М.П. Материалы по краниологии населения северного Алтая раннего железного века: (Каменская культура) (III–II — начало I в. до н.э.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1997. Вып. 1. С. 78–86.

Симоненко А.В. Китайские и центрально-азиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья // Нижневолж. археол. вестн. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. Вып. 3. С. 45–65.

Симоненко А.В. «Гунно-сарматы»: (К постановке проблемы) // Нижневолж. археол. вестн. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. Вып. 11. С. 392–402.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во СГУ, 1990. 299 с.

Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолж. археол. вестн. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. Вып. 3. С. 17–40.

Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка 10 (предварительное сообщение) // В.Ю. Малашев, Л.Т. Яблонский. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: По материалам могильника Покровка 10. М.: Вост. лит., 2008. С. 87–94.

Тур С.С. Краниологические материалы из могильников северных предгорий Алтая скифского времени // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 253–257.

Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы пазырыкской культуры из могильников в урочище Кызыл-Джар // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2004. С. 32–49.

Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4 (4). С. 107–121.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железа как этнокультурный феномен: Происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии и генетики). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. С. 63–120.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевников Тувы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 120–139.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита — раннего железного века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2010.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3 (3). С. 116–131.

Фирштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Т.А. Тот, Б.В. Фирштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. С. 69–201.

Хань Каньсинь, Пань Цифын. Изучение антропологического материала из могильника Чжаосу, Синьцзян // Ин-т археологии Академии общественных наук Китая. Кообу сюэбао. 1987. № 4. С. 503–523. (На кит. яз.).

Яценко С.А. Аланская проблема и центрально-азиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э. // Петербург. археол. вестн. СПб., 1993а. № 3. С. 60–72.

Яценко С.А. Центрально-азиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993б. Ч. 2. С. 75–83.

Han Kanghin. Anthropological characters of Human crania from Loulan site, Xinjiang // Acta Anthropologica Sinica. 1986. Vol. 1. № 3. С. 227–242. (На кит. яз.).

Волгоградский государственный университет
mary_balabanova@mail.ru

The article is devoted to a problem of discovering central Asian relations regarding the population of the late Sarmatian time, basing on anthropological data. To solve the problem, subject to attraction being publications considering it on the basis of elements of a burial rite and material culture of Sarmatians. Under the analysis of anthropological correlations, high emphasis being placed on the ancient groups which to this or that extent tend to experience a morphological similarity with the late Sarmatian material. It is noted that the population of the late Sarmatian culture experiences the greatest similarity to the population of the Tesinsky stage of the Tagarsky culture, as well as to certain groups of the Pazyryk culture. Such a result of an intergroup correlation could be helpful in searching sources of migrations which played an important role under the development of cultural and morphological features with the population of the late Sarmatian time.

Late Sarmatians, Hunni, Alani, canonical analysis, the Pazyryk culture, proper numbers, Tesinsky stage.